

Иосиф Виссарионович!

Утром я писала Вам, не зная решений пленумов МК и ЛК. Узнав, что подлое убийство т.Кирова вдохновлялось охвостьем бывшей зиновьевско-троцкистской оппозиции, антипартийной, контрреволюционной группы, - я думала, что сойду с ума. Но, несмотря на то, что уже третью неделю только и мыслей, что о горе, постигшем нас и о том, как распутать контрреволюционные нити гнусного преступления - у меня не могло возникнуть и мысли о малейшей причастности - о малейшей возможности такой причастности! - Льва Борисовича к этому злодейскому делу. Его арест был таким ударом для нас обоих, что я кинулась ночью искать возможности говорить с Вами.

Лев Борисович был так потрясен смертью Сергея Мироновича, с таким волнением рассказывал мне (и позже на митинге и в стенгазете Академии) о его героическом прошлом, о котором мы, рядовые партийцы - увы! недостаточно знали...

Мы ходили прощаться с т.Кировым и так горевали вместе! Стоя в карауле у гроба - вместе с Л.Б. - я видела слезы на глазах у него. В день похорон на Красной площади - он с горечью сказал мне, что величайшее наказание за его ошибки в том, что в этот день - тягчайший для партии и страны! - он не может быть возле Вас, чтоб разделить и облегчить Ваше горе...

В глубокой искренности горя Каменева я уверена, ибо он не выставлял его напоказ и даже к гробу мы ходили ночью (там был т.Позерн).

Я так уверена в невозможности в настоящее время какой либо причастности Л.Б. к каким бы то ни было антипартийным группам, а не только к проклятому, ужасному преступлению, что я готова ручаться Вам своей жизнью и партийной честью за него.

Я уже раз писала Вам, опасаясь, что по вине украденного у меня письма, у Вас создастся впечатление, что Каменев не вполне признал ошибки и что он держит камень за пазухой. Я тогда писала, что его разрыв с прошлым искренен и окончателен. Мне кажется, что за истекшее время он это доказал и я на многих примерах убеждалась, что единственной целью его жизни стало - завоевать окончательное доверие партии и Ваше. Успехи партии и преодоление трудностей - вот единственная интересовавшая его тема. В своей работе он взваливал на себя самую мелкую, черную работу и бодро ее делал и личные успехи (например выдвижение кандидатом в Академию) его радовали только как признаки возвращения доверия - политического доверия к нему.

Самой светлой радостью была для него встреча с Вами и другими товарищами у Алексея Максимовича.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Я знаю сейчас, кажется действительно, чем дышет Л.Б. Он делится со мной каждой мыслью. Я завоевала это право тем, что никогда не была "женой обывательницей" - личная моя жизнь с ним была всегда крайне тяжела во многих отношениях - но я была ему действительно другом и товарищем и боролась изо всех сил, чтоб сохранить его для партии, как это мне и было "наказано" в 24 году Надеждой Константиновной, а также и Софьей Николаевной Смидович в последнее время.

Поэтому я и решаюсь писать Вам в его защиту вот уже третье письмо - уверенная, что обвинение против него может быть построено лишь на основе злостной клеветы обозленных

на него троцкистов, с которыми он полностью порвал. Из б.зиновьевской группы он виделся с одним Зиновьевым, и в последнее время и с ним очень редко.

Мне очень стыдно отнимать у Вас время, но мне хочется еще сказать Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, что я ни разу не беспокоила Вас какой либо просьбой, хотя меня неоднократно и длительно травили бесчестные люди, пытавшиеся спекулировать и нажить на мне политический капитал. Все решительно виды клеветы обрушивались на меня, несмотря на то, что и МК и МКК и НКТП не раз вступались за меня. Доходило и того, что в мое отсутствие мою мать и сына выбрасывали на улицу в 30 градусов мороза и дергали их так по два месяца. Несмотря на то, что и в Р.К. и в контрольных комиссиях мне давали оценку как хорошему партийцу, заслуживающему даже орден Ленина за 12-летнее руководство делом повышения квалификации женского труда - несмотря на это меня с позором сорвали с работы и пытались ослабить, как политически вредного и даже лично грязного человека!! Все это прошло, и я пишу Вам об этом только для того, чтобы уверить, что и сейчас во мне говорит не мелкое личное чувство страха или обиды за близкого человека. Нет, только глубокая уверенность в политической правоте защиты Каменева и сохранения его в партии и для нее - толкают меня на это. Теперь же я прошу и умоляю Вас лично проверить обвинения, взведенные на Каменева. Он вчера просил меня идти к Вам за этим.

Не зная обвинений я, конечно, ничего не могу сказать конкретного, но прошу Вас поверить моему свидетельству о безусловной преданности Каменева делу партии и его искреннем желании и надежде завоевать окончательно Ваше доверие.

Очень горько, что не удалось повидать Вас - для меня это было бы великим счастьем и облегчением в моем горе.

Татьяна ГЛЕБОВА.

17.XII.34г.

12 час.ночи.

Иосиф Виссарионович!

Утром я тискал Ваши, не знав времени писем
 М.К. и Л.К. Узнав, что подпол чинистого
 М. Кирова восстановилось отвоинен дивизи
 Эммануила - Туроккеской опкозат, ауспар-
 гийной, политревомайонной урмат - я думаю
 что сойгу с ума. Но, кесмотря на то, что
 уже третья неделя тольво и детей, то
 о горе, пост итем нас и о том - как рас-
 тутьать конкурво тоуоинке нуби иже-
 ного прееупиення - у меня не могло
 возникнуть и мысли о малейшей припад-
 кости - о малейшей возможности талон
 притаетности! - Алла Горисовна к этому
 злодейскому делу. Но арееи был так
 ударом для нас обоих, что я вижуеся
 почти некая возможность вопорить с Вами
 Алла Горисовна был так потрясен
 смертью Сергея Мироновича, с таким
 боевевеи расказаван мне (и ^{нозже} на минуше

и в стенах государственной Академии) о его героическом и прочном, о котором мы, рядовые артиллеристы - увы! недостойного званием.

Мы тогда прощались с м. Карловым и так горевали вместе! Стоя в карауле у гроба ^(вместе с Л.Б.) я видел слезы на глазах у него. В день похорон - на Красной площади - он с горечью сказал мне, что величайшее наказание за его отходки в том, что в этот день - тяжелейший для партии и страны! - он не может быть возле Вас, чтоб разделить и облегчить Ваше горе...

В глубокой некрепности горя Камыш я уверена, ибо он не выдержит его на показ и даже к гробу мы ходили ночью (там был м. Позерн).

Я так уверена в непрочности ^{в последние дни} какой либо попытки носить Л.Б. к Камышам бы же ни было артиллерийским

притиши, а не только к прокуратуре 81
узнаешь преступление, что я готова 56
руководить Вами своей жизнью и партий-
ной жизнью за него.

Я уже раз писала Вам, опасаясь, что
по вине украденного у меня письма, у Вас
воздаётся впечатление, что Каменев не
вовне признал ошибку и что он держит
Каменев за маску. Я тогда писала, что
со разрыв с противным перпендикуляр
лен. Мне кажется, что за последние время
он это доказал и я на многих примерах
убеждаюсь, что единственно верно его
личности + стана - завоевать окончательное
доверие партии и Вам. Уверен партии
и преодоление трудностей - вот единственно
интересовалась его тема. В своей работе
он возмущал на себя саширо мениро, пер-
ро работу и бодро ее делал и много-
мисси (напр. Индивидуальне канд. в Академию)
его радостью точно как признаки воз-
вращения доверия - полагается доверия
к нему.

Самый светлый радостно сияет для него вера-
на с Вадим и группой товарищам у Др. Шенке

Дорогой Колецо Виссарионович! Я знаю

сейчас, как себя действительно, чем другим и.б.
Он делится со мной каждой мыслью. Я знаю
её сама это про то тем, что никогда не была
"женой обвиняемых" - мой муж
с ним была всегда крайне тяжела во мно-
м оттомених - но я была ему действительно
другом и товарищем и борюсь изо всех
сил, чтоб сохранить его для партии, как это
мне и было "наказано" в 24 году Надеждой Кон-
стантиновской, а также и Софией Николаевной
Синдолов в последнее время.

Поэтому я и решаю писать Вам ^{в его записку} вот
уже третье письмо - уверена, что обвинение
пробу него может быть построено лишь на
основе записки Киевца обвиненного на
него Троцкий, с которыми он познаком
корвал. Изд. Зиновьевской группы - он видел
с одним Зиновьевым - и в последнее время
и с ним очень редко.

Мне очень стыдно от момента у Вас в плен,
 но мне доверяю еще сказать Вам, доктор Ст
 Коцево Виссароновна, что я ни разу не де-
 монстрирую Вас какой либо просьбой, хотя я меня
 неоднократно и гунтентно травил и бесреф-
 ные люди, пытающиеся сменить работу и нажить
 на мне коммунистический капитал. Все разбито
 люди к левее и обрываются на меня, несут
 на то, что и МК и МКК и НКВД не рас-
 суживаются за меня. Доводило до того, что
 в мне отступиле много раз и сына выбра-
 сывали на улицу в 30 град. мороза и держали
 их там по два месяца. Несмотря на то, что
 и в Р.К. и в Коммунистическом комитете мне давали
^{очень как} хорошие партийные, заслуживающие даже орде-
 на Ленина за 12 летни руководящего делом коммунистическим
 квалификацию френского труда - несмотря на
 это меня с позором сорвали с работы и пы-
 тались ославить как коммунистический вредного и
 даже много разного времени!! Все это произошло,
 и я пишу Вам об этом только для того,
 чтоб уверить, что и сейчас во мне говорит

5708

не меньшее моему изумлению и спра-
вам обиды за дружеское отношение. Нет -
точно и уверенно уверено в политической
работе защитника Камнева и сохранено
его в партии и духе все - благоуханно (моя)
на это.

Теперь же я прошу и умоляю Ваше
лично проверить обвинение, выдвинутое
на Камнева. Он вчера просил меня
прислать к Вам за этим.

Не знаю, обвинен ли, конечно, лично не
могу сказать конкретно, но прошу Вас
поверить моему свидетельству о
безусловной преданности Камнева
друзьям партии и во всем искреннем желании
и надежде завоевать окончательно
Ваше доверие.

Очень горько, что не удалось повидать
Вас - для меня это было бы великим
счастьем и облегчением в моем горе.

Татьяна Зубова

17/11 34.
12 795. 110 71.